

W/ $\frac{61}{207}$

2007110048

W 61
204

221-36229

ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГЪ

КАСПІЙСКАГО МОРЯ

при Петрѣ Великомъ.

Въ числѣ главнѣйшихъ заботъ Великаго Петра было распространить и обезопасить внѣшнюю торговлю Россіи. Доказательства этому встрѣчаются на каждомъ шагѣ. Петру Первому хотѣлось усилить эту торговлю не только съ Европою, но и съ Азіатскими Государствами. Для того старался онъ заключить торговые трактаты съ Хивой, Персіей, Бухаріей; проложить Русскимъ купцамъ дорогу въ Индію и изслѣдовать все эти пути сколько возможно подробно. Неудача съ Хивой обратила мысли Ве-

ликаго Петра къ Персіи и Бухаріи, а чрезъ нихъ къ Индіи.

Торговля Россіи съ Персіей производилась еще во времена Іоанна Грознаго. Но она была не столь важна, чтобы можно было отъ нея ожидать для Государства большихъ выгодъ. Это происходило отъ того, что ни Русскіе, ни Персы не старались удалить тѣхъ препятствій, которыя служили главною препоною къ развитію торговли. Кромѣ истребленія каравановъ въ Дагестанѣ и Ширванѣ, Русскіе купцы терпѣли невыгоды и въ самыхъ городахъ, потому что безопасность ихъ товаровъ ничѣмъ не была обезпечена. Напримѣръ, возстаніе Лезгиновъ и другихъ горныхъ народовъ, происшедшее въ 1712 году, лишило многихъ Русскихъ огромныхъ капиталовъ и даже всего достоянія. Поэтому, надлежало опредѣлить торговыми трактатами — какъ далеко купцы одного народа могутъ ввозить свои товары въ земли другаго, какою имъ пользоваться тамъ льготою, какую имъ платить пошлину за извѣстные товары, и за какіе товары не платить, какіе должны быть судьи надъ купцами въ чужомъ краю, и прочая. Эти-то важнѣйшія условія съ нашими Азіатскими сосѣдями и не были уянены. И потому, Петръ Великій въ 1715 году отправилъ въ Персію Подполковника Артемія Воынскаго (бывшаго послѣ Губернаторомъ въ Астрахани и наконецъ Кабинетъ-Министромъ) Посланникомъ къ Шаху Гуссейну для заключенія торговаго трактата и предложенія помощи противъ Авганскаго мятежника Миръ-Вейса. Воынскій отправился изъ Петербурга 7 Іюля 1715 года, и, заключивъ торговый

трактатъ съ Персидскимъ Министромъ Эхтима-Девлетомъ, ратификованный послѣ обоими Государями, возвратился въ Петербургъ 12 Декабря 1718 года.

По возвращеніи своемъ изъ Персіи, Волынскій предложилъ Петру Великому взять подъ свое покровительство Персидскія провинціи, лежащія подлѣ Каспійскаго моря, для огражденія ихъ и границъ Россіи отъ Авганистана, и населить Русскимъ войскомъ: чего не лзя было сдѣлать иначе, какъ водянымъ путемъ чрезъ Каспійское море, которое въ то время намъ было извѣстно очень мало. И такъ положено было послать нѣсколько морскихъ Офицеровъ на Каспійское море, для описанія береговъ его, рѣкъ, въ него впадающихъ, изслѣдованія гаваней и всего водянаго пути, отъ Астрахани до Дербента, и далѣе, мимо Гилани и Мазандерана до Астрабата. Это описаніе годилось и для торговли, оттого-то морскимъ Офицерамъ и было предписано не упускать изъ виду и этой цѣли.

Для изслѣдованія Западнаго берега Каспійскаго моря въ 1719 году, 8 Генваря, назначены были Капитанъ-Лейтенантъ Карлъ фонъ-Верденъ и Лейтенантъ Ѳедоръ Соймоновъ, которые оба служили нѣсколько лѣтъ при особѣ Государя на военномъ кораблѣ «Ингерманландъ», и снискали милостивое вниманіе Монарха. Въ товарищи имъ даны были Унтеръ-Лейтенанты Дорошенко и Золотаревъ съ 86 Унтеръ-Офицерами и рядовыми.

Изъ С. Петербурга отправились они въ концѣ Феврала и до исхода Апрѣля пробыли въ Казани. Тогда въ Казани построень большой кора-

бельный ботъ. На немъ и на трехъ другихъ судахъ поѣхали они въ Астрахань. Здѣсь нашли они въ готовности три шнявы и встрѣтили Лейтенанта Князя Урусова, прикомандированнаго имъ въ спутники. Карлъ фонъ-Верденъ избралъ шняву «Св. Александръ», Князь Урусовъ занялъ шняву «Астрахань», а Соймоновъ взялъ шняву «Св. Екатерина»; Дорошенко поѣхалъ на большомъ корабельномъ ботѣ, а Золотареву достался маленькій ботъ.

Всѣ свѣдѣнія, какія тогда можно было имѣть, они почерпали частию изъ Оlearіевыхъ изслѣдованій Каспійскаго моря и его карты, частию изъ карты, сочиненной Лейтенантомъ Кожинымъ о Восточномъ берегѣ этого моря. Но ни на одну изъ помѣнутыхъ картъ не лзя было положиться, особенно на карту Кожина, потому что Поручикъ Кожинъ, описывая море, ѣхалъ бѣльшею частию сухимъ путемъ, на верблюдахъ. Командированные теперь для изслѣдованія моря, въ сообщаніи своемъ положили: Унтеръ-Лейтенанту Золотареву и Дорошenkѣ ѣхать близъ берега на ботахъ и съ возможною подробностію описывать эти берега и водяной путь отъ устья Волги до устья рѣки Терека; тремъ шнявамъ идти къ острову Тюленьему и оттуда начать свои изслѣдованія. Въ этомъ порядкѣ они принялись за дѣло въ исходѣ Мая.

Нѣтъ нужды упоминать здѣсь о всѣхъ мелочныхъ подробностяхъ, которыя помѣщены въ журналѣ Соймонова. Это не столько занимательно при чтеніи, сколько полезно при кропотливыхъ занятіяхъ. Подробности всего этого путеописанія можно видѣть на картѣ Капитана фонъ-Вердена.

А здѣсь довольно сдѣлать краткій обзоръ путешествія этой экспедиціи, упомянуть о нѣкоторыхъ любопытныхъ мѣстахъ и показать высоты полюса ихъ, по изслѣдованіямъ этой экспедиціи.

Ярки— крутой берегъ при устьи главнаго рукава Волги; оттуда самый рукавъ получилъ названіе *Ярковского*. Недалеко отъ устья, по правую сторону, находится мѣсто *Четыре-Бугра*, гдѣ Стенька Разинъ въ первый разъ былъ окруженъ Воеводами Прозоровскимъ и Львовымъ и гдѣ, получивъ прощеніе Царя Алексія Михайловича, по представленію Астраханскаго Воеводы, началъ съ бѣльшимъ ожесточеніемъ злодѣйствовать въ предѣлахъ Астраханскихъ. Мѣсто это лежитъ подъ $50^{\circ}20'$ Сѣверной Широты. Отсюда назначено разойтись судамъ экспедиціи каждому въ показанный путь. Три шнявы пошли къ острову *Тюленьему* ($44^{\circ}20'$). Отъ него направили онѣ путь къ устью рѣки Терека, а оттуда шли между берегомъ моря и островомъ *Чечень* ($43^{\circ}47'$) и мысомъ *Учь* къ Дербенту. Мысъ *Учь* называется еще Аграханскимъ полуостровомъ, по имени небольшой рѣки *Аграхана*, образующейся изъ рѣки *Сулака* и впадающей въ Аграханскій заливъ, гдѣ соединяется полуостровъ съ твердою землею. Этотъ полуостровъ покрытъ богатыми пастбищами.

При Дербентѣ (лежащемъ подъ $42^{\circ}6'$, по Соймонову, подъ $41^{\circ}50'$, по Олеарию, и подъ $41^{\circ}52'$, по Христофору Барро у Гаклуйта) суда разѣзжали нѣсколько дней, любуясь живописнымъ мѣстоположеніемъ города. Покатая его мѣстность дала полную возможность Г. Соймонову составить перспективу города съ окружающими его мѣстами, гдѣ онъ пред-

ставилъ всё три его части— верхнюю, среднюю и нижнюю, на которыя раздѣленъ городъ при своемъ построеніи, сообразно съ мѣстностію. Последней части города еще не было при описаніи его Полковникомъ Герберомъ и Олеаріемъ, у которыхъ можно найти самыя мелочныя объ немъ подробности. Городъ украшенъ множествомъ садовъ, которые изобилуютъ разными плодами: яблоками, грушами, сливами, персиками, смоквами и проч. Виноградъ вьется по деревьямъ. Поля покрыты сорочинскимъ пшеномъ, пшеницей и шафраномъ. Кругомъ города раскиданы деревни; по обѣимъ сторонамъ его находятся кладбища; высокіе бѣлые, надгробные камни представляются издали на подобіе поставленныхъ въ строй полковъ солдатъ, какъ выражается Соймоновъ. Позади Дербента, внутрь земли, идутъ огромныя горы возвышающимися уступами.

Отъ Дербента отправились они къ берегу *Низабатскому*, или, по принятому произношенію у Русскихъ, къ *Низовому*. Последнее названіе очень прилично ему, по низкому мѣстоположенію берега. Здѣсь Русскіе суда приставали для торговли съ Персами: отъ того и самое мѣсто названо *Низовая Пристань*. Она лежитъ, по замѣчанію мореплавателей нашихъ, подъ 40°30' Сѣверной Широты. Здѣсь нѣтъ гавани. Судовая садка на мель тамъ во всеобщемъ употребленіи: мягкій грунтъ этого берега не дѣлаетъ судамъ никакого вреда, и суда безъ большихъ усилій спускаются съ мели, когда нужно идти въ море. На Низовой Пристані была непрерывная торговля между Русскими и Персидскими купцами, которые тамъ жили въ шалашахъ: потому что ни

на пристани, ни вблизи ея не было никакихъ селеній. Важнѣйшій торгъ состоялъ изъ шелка сырца, который Персы и Армяне привозили изъ Шамахи на верблюдахъ, и который, по силѣ трактата, упоминаемаго въ Указахъ 20 Мая 1716, 6 Юня 1719 и 26 Юля 1720 года, весь долженъ былъ итти изъ самой Персіи въ Россію и болѣею частію черезъ руки Армянъ, получившихъ на то отъ Шаха привилегію; а съ Турціею торгъ шелкомъ, по силѣ того же договора, былъ запрещенъ. Изъ Русскихъ товаровъ по большей части продавались тамъ сукна, полотна, юфти и разныя мелочи, какъ то: иглы, наперстки, зеркала и прочая. Изъ юфти употреблялись преимущественно задки, которые у Персовъ называются *свары*. Изъ нихъ они дѣлаютъ для себя *хози* (туфли) — родъ нашихъ калошъ, употребляемыхъ въ сырую погоду сверхъ сафьянныхъ сапоговъ. Въ 1719 году торговля въ Низабатѣ была не такъ значительна, какъ прежде, когда Грузины и Мингрельцы привозили сюда свои товары. Это приписывали вліянію мятежа Лезгиновъ и разбоямъ *Даудбека*, котораго грабежи сдѣлали непроходимыми пути къ Низабату. Множество рѣкъ, впадающихъ здѣсь въ Каспійское море, къ Сѣверу и Югу отъ Низовой Пристани, слывутъ подъ общимъ названіемъ *Низовыми*, хотя и имѣютъ сверхъ того еще собственные названія.

Эта страна вообще примѣчательна тѣмъ, что горы, идущія отъ Дербента на Югъ къ шпигу Бишъ-Бармакъ, не близко подходятъ къ морю, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежатъ отъ него верстахъ въ пятидесяти. Отъ того, между моремъ и горами тя-

нется обширная равнина, испещренная рѣчками и лѣсами. Плодородіе страны приласкало здѣсь человека, что можно видѣть изъ безчисленныхъ деревень, раскиданныхъ тамъ и сямъ. Здѣсь есть заводы для домашняго скота, прекрасныя пашни и сады съ роскошными плодами. Эту страну можно считать самою лучшею изъ всѣхъ, лежащихъ при Каспійскомъ морѣ. При шницѣ Бишъ-Бармакъ, къ Югу отъ Низовой Пристани, Дербентскія горы подходятъ къ самому морскому берегу.

У Низовой Пристани мореплаватели наши пробыли нѣсколько дней и, взявши съ собою свѣжей воды и другихъ потребностей, отправились къ Апшеронскому проливу, придерживаясь берега. Апшеронскій проливъ получилъ названіе свое отъ мыса Апшеронскаго, который, начинаясь на Сѣверной сторонѣ города Баку, далеко простирается въ море на Востокъ. Этотъ проливъ состоитъ изъ узкаго водянаго хода между твердою землею и нѣкоторыми островами по Восточной оконечности мыса.

Отъ самаго шпица Бишъ-Бармакъ вплоть до Апшеронскаго мыса бѣрегъ попеременно покрытъ горами и равнинами. Впрочемъ, лѣса нигдѣ не замѣтно. Близъ берега почти вездѣ есть хорошій грунтъ для якорей.

Не доѣзжая до Апшеронскаго пролива, съ судами нашими едва не случилось несчастія. Мореплаватели наши помнили, что надобно остерегаться острововъ *Два-Брата*; но лоцманы вовсе не знали, около котораго мѣста они находятся у Апшеронскаго пролива. При наступающей ночи, изъ предосторожности, они стали на якорь на двѣ-

падцати-саженной глубинѣ, тогда какъ незадолго передъ тѣмъ глубина была двадцать пять саженъ. Лишь только разсвѣло, какъ увидѣли близкую опасность: шнява «Св. Екатерина» была всего на якорный канатъ отъ *Двухъ-Братьевъ*. Подвинулся суда не много далѣе къ Югу, и имъ бы не сдобровать. Эти острова лежатъ подъ $40^{\circ}45'$ Сѣверной Широты, одинъ близъ другаго.

Въ тотъ же день около полудня прибыли они въ Апшеронскій проливъ, который пачинается островомъ *Святой*. Этотъ проливъ считаютъ лучшею гаванью на всемъ Каспійскомъ морѣ: суда здѣсь совершенно безопасны отъ всѣхъ вѣтровъ; въ него можно вѣзжати даже и ночью, если только видѣнъ берегъ матерой земли и Сѣверный конецъ острова *Святаго*. На Восточной сторонѣ острова, далеко въ море, къ Юговостоку, тянется гряда скрытыхъ камней, весьма опасная для мореплавателей. Ее называютъ по тамошнему *Ураносъ*.

Сказываютъ, что островъ Святой получилъ названіе отъ одного дервиша, почитаемаго Святымъ, который и погребенъ на этомъ острову. Тамъ находятся двѣ гробницы: дервиша и его слуги. Первая подъ тремя покрывками, — одна изъ нихъ холщевая, а двѣ шерстяныя; послѣдняя гробница ничѣмъ не покрыта. Персіяне приѣзжаютъ на островъ приносить молитвы у гроба своего угодника, привозятъ съ собою лампы съ деревяннымъ масломъ и ставятъ восковыя свѣчи на гробницѣ.

Островъ длиною семь верстъ; ширины въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ имѣетъ версту, въ другихъ меньше. На немъ нѣтъ никакихъ растений; стоитъ лишь

единственное шелковичное дерево огромной величины. Впрочемъ, на островѣ множество дикихъ козъ; но чѣмъ онѣ питаются — неизвѣстно; развѣ мхомъ, растущимъ на камняхъ. Журавли, дикіе гуси, цапли и другія птицы, питающіяся рыбою, имѣютъ тамъ постоянное пристанище и выютъ гнѣзда. На сучьяхъ шелковичнаго дерева мы видѣли, говоритъ Соймоновъ, огромныхъ змѣй, длиною въ сажень. Мы сначала приняли ихъ за ядовитыхъ, но въ послѣдствіи матросы подходили къ нимъ близко и брали ихъ руками безъ всякой опасности и вреда.

Берега матерой земли низки и безлѣсны. Тамъ находятся два колодца съ прѣсною водою. Недалеко оттуда, на небольшихъ пригоркахъ, стоятъ три башни изъ тесанаго камня, одна отъ другой на версту. Къ Сѣверу возвышаются еще десять такихъ башенъ. Персіяне говорятъ, что онѣ сооружены Александромъ Великимъ; но дѣйствительно ли онѣ построены героемъ Македонскимъ, — на это нѣтъ никакихъ доказательствъ. При истокѣ пролива, нѣсколько въ сторону, стоитъ островъ *Жилой*. На немъ нѣтъ и не было никакихъ зданій. Говорятъ только, что онъ получилъ названіе свое отъ Стеньки Разина, который, грабя берега Каспійскаго моря, имѣлъ здѣсь временное пристанище. Матросы ловили здѣсь много тюленей.

Мысъ Апшеронскій лежитъ подъ 40°23' и передъ собою имѣетъ давнымъ-давно извѣстную мель, которая называется *Шахъ*.

Проѣхавши Апшеронскій проливъ, мореплаватели наши прибыли къ городу *Баку*. Онъ лежитъ въ

заливѣ, похожемъ на полукружіе, безопасномъ для кораблей и который вездѣ имѣетъ хорошія якорныя мѣста. Передъ городомъ лежатъ два острова *Вульфъ* и *Наргенъ*, которые такъ названы потому, что они похожи на острова, лежащіе передъ Ревелемъ. Баку обведенъ тремя стѣнами изъ бѣлаго пещаного камня. Наружная стѣна вышиною въ одну сажень, средняя въ двѣ, а внутренняя въ три сажени. Кромѣ многихъ мечетей, здѣсь достоинъ примѣчанія огромный каменный домъ, построенный Аббасомъ Первымъ; въ немъ теперь никто не живетъ. Передъ городомъ замѣтили они множество торговыхъ судовъ, которыя брали тамъ нефть, для развозки ея по разнымъ Персидскимъ гаванямъ. Торгъ этимъ землянымъ масломъ тамъ очень значителенъ, потому что требованіе на него весьма велико. Жители города Баку давали знаки нашимъ судамъ, чтобы они подошли ближе, и наши мореплаватели такими же знаками приглашали ихъ на свои суда; но ни тѣ ни другіе не осмѣлились посѣтить другъ друга. Суда лавировали по заливу и только издали дѣлали свои наблюденія, не приставая къ берегу.

Отъ Баку они поплыли къ устью рѣки Куры. На пути своемъ нашли они четыре малые, безлѣсные острова, на которыхъ ничего не было достопримѣчательнаго, кромѣ небольшихъ нефтяныхъ колодцевъ. *Везиръ* (подъ 39° 40' Сѣверной Широты) есть мысъ, простирающійся въ море; предъ нимъ лежитъ островъ *Свиной*. Берегъ отъ Баку до Везира посредственной высоты; есть мѣстами и небольшія горы, но отъ Везира до Куры мѣста все низкія и безлѣсныя.

Сѣверное устье Куры подъ 39°20'. Пришедши къ устью, стали они на якорь, на двѣнадцати-саженной глубинѣ, и спустивши шлюпки, поѣхали вверхъ по рѣкѣ. По обѣимъ сторонамъ, на десять верстъ, ничего не замѣтили, кромѣ болотъ и тростнику. Когда начали появляться берега сухіе, на которыхъ можно было жить, они рѣшились возвратиться къ судамъ, не осмѣливаясь идти далѣе. Но напередъ Офицерамъ вздумалось выйти на берегъ, чтобы осмотрѣть рыбную ловлю при пещаномъ заплескѣ Куры. Выходя на берегъ, они не взяли съ собою никакого оружія, кромѣ фузей для стрѣлянія птицъ, предполагая, что мокрыя мѣста эти безопасны отъ нападающихъ туземцевъ. Лишь только начали они ловить рыбу, какъ вдругъ изъ камышей появилось до трехъ сотъ человѣкъ конныхъ, вооруженныхъ ружьями и коньями. То были жители Сальяна, недавно отложившіеся отъ Персидскаго владычества. Внезапное появленіе ихъ навело страхъ на нашихъ странниковъ. Офицеры и солдаты — первые на берегу, послѣдніе при неводѣ — не могли спастись бѣгствомъ. Они рѣшились стоять и ждать послѣдствій. Сальянцы, вѣроятно, объясняя бодрость Офицеровъ надеждою ихъ на какой-нибудь сильный резервъ, остановились во ста саженьяхъ отъ нашихъ моряковъ и послали къ нимъ человѣкъ тридцать съ двумя начальниками, спросить: кто они и куда ѣдутъ? На это имъ отвѣчали обстоятельно черезъ толмача. Между тѣмъ оставшіеся позади Сальянцы мало по малу начали подъѣзжать къ своимъ товарищамъ. Карлъ фонъ-Верденъ приказалъ сказать, что «они, сидя на лошадяхъ, разговариваютъ съ

начальникомъ Русскаго отряда, а потому, онъ, командиръ Русскій, не хочетъ продолжать съ ними переговоровъ за это невѣжество». Не говоря болѣе ни слова, Карлъ фонъ-Верденъ повернулся и пошелъ къ шлюпкамъ. Этотъ поступокъ фонъ-Вердена избавилъ нашихъ мореплавателей отъ предстоявшей опасности. При отъѣздѣ Русскихъ, Сальницы вздумали показать свою ловкость въ скачкахъ и метаніи копій, а Русскіе отвѣчали имъ на это холостыми зарядами изъ пушекъ.

Время было позднее, и мореплаватели наши общимъ совѣтомъ постановили возвратиться въ Астрахань, и, запасшись рыбой и свѣжей водой при Сальницѣ, пустились въ обратный путь, а 7 Сентября были уже въ Астрахани. До паступленія зпмы они занялись осмотромъ устій Волги, перепискою журнала своего путешествія и сочиненіемъ карты. Съ журналомъ и по немъ изготовленную картою путешествія Г. Соймоновъ былъ посланъ въ Петербургъ, гдѣ 30 Ноября поднесъ ихъ Государю. Черезъ нѣсколько недѣль Соймоновъ снова отправленъ былъ въ Астрахань, съ повелѣніемъ въ слѣдующее лѣто продолжить путешествіе и изслѣдованіе Каспійскаго моря до Астрабата.

Въ концѣ Мая 1720 года мореплаватели наши снова отправились въ путь для дальнѣйшаго обозрѣнія Каспійскаго моря. Они остановились при рѣкѣ *Курь*; внимательно изслѣдовавъ ее, они нашли у этой рѣки четыре рукава: два Сѣверные впадаютъ непосредственно въ Каспійское море, и два Южные — въ Кизиль-Агачскій заливъ. Изъ всѣхъ ру-

кавовъ, или изъ двухъ Южныхъ, Западный самый большой. Въ заливѣ находится островъ Кизиль-Агачъ. Немного далѣе къ Югу впадаютъ въ море три рѣки: *Дошитъ*, *Ленкара* и *Астара*. При устьѣ Астары (подъ $38^{\circ}30'$) они вышли на берегъ. Объ этомъ узналъ тамошній Бей и, поздравляя ихъ дружески съ прїѣздомъ, пригласилъ къ себѣ въ гости. Карлъ фонъ-Верденъ и Князь Урусовъ пошли къ нему съ тремя гардемаринами. Бей ввелъ ихъ въ свой шалашъ, стоявшій на берегу. Онъ построилъ на четырехъ столбахъ и покрытъ камышемъ. Посадивъ Офицеровъ послѣ себя, Бей спросилъ: «кто эти другіе трое?» указывая на гардемариновъ. Когда ему объяснили, что это молодые Дворяне, взятые учиться мореплаванію, то онъ попросилъ и ихъ сѣсть.

Послѣ этого Бей велѣлъ изъ деревни своей принести кушанье и обыкновенный свой напитокъ *душанъ*. Это — густо сваренный виноградный сокъ, разбавляемый при употребленіи водою. Во время обѣда Бей приказалъ играть музыкѣ. Одинъ изъ музыкантовъ билъ въ бубенъ, на которомъ навѣшаны были желѣзные кольца, и пѣлъ пѣсню. Пѣсня эта, какъ сказываетъ Бей, сложена въ честь славнаго ихъ Персидскаго Шаха Нуширвана, котораго Персы уважаютъ за его правосудіе. «Такой же точно похвалы достоинъ и вашъ Императоръ, примолвилъ Бей; я знаю его больше всѣхъ моихъ земляковъ; въ Смирнѣ и Алеппѣ я много слышалъ объ его великихъ дѣлахъ».

Потомъ спрашивалъ Бей о цѣли ихъ путешествія, и когда ему сказали, что имъ поручено изслѣдовать морскіе пути для безопасности торговыхъ

судовъ, то онъ хотя, по видимому, и повѣрилъ этому и одобрялъ ихъ намѣреніе, однакожь нетрудно было догадаться, что онъ видѣлъ здѣсь и другую цѣль изслѣдованія морскаго пути. Помолчавъ немного, Бей сказалъ: «всякое сѣмя въ свое время приноситъ плодъ свой»! Когда спрашивали его о значеніи этихъ словъ, онъ только улыбнулся, и склонилъ разговоръ свой на другое. Затѣмъ, просили его покровительствовать—сколько съ его стороны возможно—торговымъ сношеніямъ между Россіею и Персіею. Онъ на это отвѣчалъ: «мнѣ будетъ весьма пріятно видѣть васъ у себя, какъ давно знакомыхъ пріятелей, пришедшихъ съ товарами». Больше ничего не могли вывѣдать у него. Офицеры, прощаясь съ Беемъ, благодарили его за дружескій пріемъ и просили посѣтить свои суда. Но онъ отговорился тѣмъ, что плаваніе по водѣ производитъ у него круженіе и головныя боли. При отъѣздѣ своемъ, Офицеры откланились новому знакомцу семью пушечными выстрѣлами.

Оставивъ Астару, они поплыли въ Гиланъ, къ заливу *Зинзили*. Заливъ этотъ есть не что иное, какъ озеро, болѣе двадцати верстъ въ окружности, окаймленное высокими горами, въ которое можно проѣхать только узкимъ каналомъ, простирающимся верстъ на десять въ длину. Передъ Зивзилинскимъ заливомъ они стали на якорь. Здѣсь хороши мѣста для бросанія якорей, но суда не безопасны отъ Сѣверныхъ вѣтровъ и сильнаго морскаго волненія. На другой день по прибытіи своемъ, поѣхали они на трехъ шлюпкахъ каналомъ въ Зинзилинскій заливъ, а изъ него въ небольшую рѣчку *Перибазаръ*; про-

плывши по ней верстъ съ пять, они остановились передъ деревнею Перибазаромъ. Жители приняли ихъ ласково и старались всячески заслужить довѣріе къ себѣ и дружбу. Они не могли итти въ Ряще, потому что путешествовали съ торговыми цѣлями, и отъ того, взявши въ Перибазарѣ съѣстныхъ припасовъ, возвратились къ своимъ судамъ. Перибазаръ лежитъ подъ $37^{\circ}34'$.

Берегъ отъ Куры до залива Зинзили увѣчанъ высокими горами, которыя перерѣзываются большими и малыми долинами. Горы и долины, высокія и низменныя мѣста покрыты лѣсомъ, преимущественно плодоносными деревьями. Между лѣсомъ часто виднѣются деревеньки съ своими красными черепичными крышами. Ночью вѣяніе вѣтра съ матерой земли напосило на суда наши благоуханія поморанцовыхъ, гранатныхъ и другихъ деревьевъ. Водяной путь отъ Куры до Зинзили вездѣ чистъ и безопасенъ; грунтъ песчаный, мѣста для метанія якорей удобны, прѣсной воды вездѣ много; ее можно получать изъ небольшихъ рѣчекъ, текущихъ изъ горъ въ море.

Осмотрѣвъ Зинзили, они отправились къ рѣкѣ Себдурѣ (Сефидъ-Рудъ) подъ $37^{\circ}26'$, а отъ нея къ рѣкѣ Фузѣ. По Фузѣ они ѣхали верстъ съ пять вверхъ и, къ величайшему удивленію своему, увидѣли въ небольшой деревенькѣ великолѣпный каменный мостъ, на пяти аркахъ, который, какъ говорятъ жители, построенъ Шахомъ Аббасомъ Великимъ. Такихъ мостовъ много въ Гилян; они построены не только на большихъ, но и на малыхъ рѣчкахъ.

Отсюда ѣхали они вблизи провинціи Мазандеранъ, по Русскому произношенію Мизандрона. Отъ Гилани до Астрабата горы лежатъ въ отдаленіи отъ берега; вездѣ мѣста ровныя, лѣсистыя и жилия.

У Астрабата есть большой морской заливъ и безопасная гавань. Въ заливъ течетъ рѣка Астрабатъ, а подальше лежитъ и самый городъ Астрабатъ, подъ $36^{\circ}43'$. Входъ въ заливъ имѣетъ восемь футовъ глубины; предъ устьемъ рѣки Астрабата — десять футовъ, а самая рѣка не глубже четырехъ футовъ.

Этимъ кончилась инструкция, данная нашимъ мореплавателямъ. Послѣ этого продолжали они путешествіе свое по Восточному берегу на двадцать четыре мили; а оттуда возвратились прямо къ рѣкѣ Фузѣ, съ цѣлю узнать ширину Каспійскаго моря, и въ двѣнадцать дней прибыли въ Астрахань.

Составивъ карту, они поднесли ее Петру Великому въ С. Петербургѣ. Такъ какъ карта эта изображала только Западный и Южный берега Каспійскаго моря, то Императоръ повелѣлъ означить на ней берега Восточный и Сѣверный, по свѣдѣніямъ, собраннымъ Княземъ Бекевичемъ и Поручикомъ Кожинымъ. Такимъ образомъ составила та самая карта, заслужившая всеобщее одобреніе, которая въ 1721 году была послана Петромъ Великимъ въ Парижскую Академію Наукъ, и по которой впервые хорошо узнали настоящее положеніе Каспійскаго моря.

В. ЛЕВЕДЕВЪ.

